

ГЕРАКЛИТ

Вечно был, есть и будет — вечно живой огонь,
разгорающийся мерно и гаснущий мерно

Не слишком насмешничай,
сам покажешься смешным

Неразумные, даже слыша, глухим подобны,
как говорится, присутствуя, отсутствуют

О ПРИРОДЕ

С КОММЕНТАРИЯМИ
И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Популярная философия с иллюстрациями

Гераклит Эфесский
О природе

«Издательство АСТ»

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Эфесский Г.

О природе / Г. Эфесский — «Издательство АСТ»,
— (Популярная философия с иллюстрациями)

ISBN 978-5-17-146115-7

Гераклит Эфесский (ок. 544 — ок. 483 до н. э.) был самым трагическим философом в истории, призывавшим к гражданскому героизму и независимому мышлению. Он стал основателем исторической или первоначальной формы диалектики. Его единственное сочинение «О природе» дошло до нас во фрагментах. За свои идеи, а также сложный язык получил прозвище Темный. Он не был ничьим учеником и сам никого не учил, однако его последователями стали Платон, Сократ, Аристотель, а позже – Гегель, Ницше, Шпенглер и Хайдеггер. Гераклит выражал необычные мысли в емких запоминающихся формулировках, многие из которых дошли до наших дней: «Все течет, все изменяется», «Не войдешь в одну реку дважды», «Многознание уму не научает». Опираясь на достижения мирового гераклитоведения и на образность поэтов-модернистов философ Александр Марков адаптирует систему взглядов Гераклита и реконструирует общие направления его философских поисков, актуальных в контексте современных точных и естественных наук. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-146115-7

© Эфесский Г.
© Издательство АСТ

Содержание

Всех рассудит огонь: жизнь и философия Гераклита Эфесского	9
Исторические обстоятельства	9
Жизнь Гераклита	12
Книга Гераклита	15
Учение Гераклита	19
Гераклитоведение: несколько эпизодов	21
Издания Гераклита	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Гераклит О природе

**Составление, перевод, предисловие и комментарии
профессора РГГУ и ВлГУ А. В. Маркова**

Гераклит Эфесский — древнегреческий философ-материалист, в общей форме сформулировавший ряд диалектических принципов бытия и познания

ИНТЕРЕСНЫЕ ФАКТЫ:

**АВТОР ЕДИНСТВЕННОГО СОЧИНЕНИЯ, КОТОРОЕ ОН
ПРИЗНАВАЛ СВЯЩЕННЫМ**

**СЧИТАЛ, ЧТО ФИЛОСОФИЯ ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ НЕ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЕ, А ПОЗНАНИЮ ИСТИННОГО
УСТРОЙСТВА МИРОЗДАНИЯ И РЕЛИГИОЗНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ**

**КНИГА РАЗОШЛАСЬ НА ЦИТАТЫ, ЕМКО ОБЪЯСНЯЮЩИЕ
ЗАКОНЫ ЛОГИКИ И ПРАВИЛА ПОЗНАНИЯ СЛОЖНЕЙШИХ
ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ**

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ:

**ЕДИНСТВО И БОРЬБА
ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ**

**ЛОГОС КАК ОБЩИЙ ПРИНЦИП
МЕРЫ, ОТ КОТОРОГО ЗАВИСЯТ
ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ**

**ОГОНЬ — ОБРАЗ ВСЕОБЩЕЙ ИЗ-
МЕНЧИВОСТИ, РЕГУЛИРУЕМОЙ
МЕРОЙ, ЗАВИСЯЩЕЙ ОТ ЛОГОСА**

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ДОЛЖ-
НА ПОДРАЖАТЬ ПРОЯВЛЕНИЯМ
ЛОГОСА**

ЭТИКА РЕФОРМ ГЕРАКЛИТА:

Всеобщая изменчивость мира не исключает его «сухого» рационального преобразования

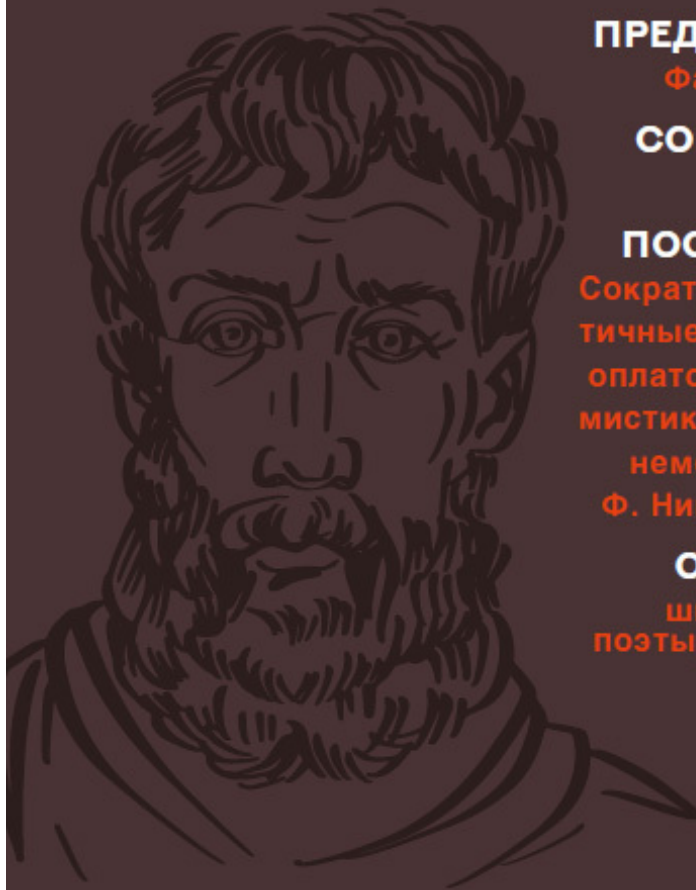

Человек должен следовать не судьбе, а правилам и космической справедливости

Героизм — не только этический, но и онтологический выбор человека

Герой говорит правду и противостоит нечестным согражданам

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ:

Фалес Милетский

СОВРЕМЕННОКИ:

Парменид

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ:

Сократ, Платон, стоики, античные и ренессансные неоплатоники, христианские мистики, Г. Гегель и другие немецкие идеалисты, Ф. Ницше, Т. Элиот и т.д.

ОППОНЕНТЫ:

школа Пифагора, поэты, ранние философы природы

Всех рассудит огонь: жизнь и философия Гераклита Эфесского

Исторические обстоятельства

Гераклит – выходец из обедневшего царского рода, потомственный жрец Эфеса и влиятельный политик – был заметным человеком и в своем городе, и во всей Малой Азии. Несмотря на презрение к толпе, не принимавшей его философию, слава его настигла. Он явно не раз пытался провести политические реформы. Вообще в греческой Малой Азии, начиная с Фалеса Милетского, философия была ориентирована на создание новой политики, которая помогла бы преодолеть замкнутость городов-колоний. Когда Фалес говорил, что все произошло из воды, он меньше всего думал о научной лаборатории, но больше всего – о законах моря, в том числе как торгового и политического пространства. Известно, что Фалес предлагал всем ионийским городам создать Совет, по сути парламент, который будет распоряжаться общим военным бюджетом, т. е. предложил своего рода федеративную конституцию, что было совершенно неожиданным для древнего мира, но отвечало общему духу преуспевающих городов.

Прогресс этих мест во времена Гераклита продолжался. «Торгуя со всем миром и основывая сотни колоний по Средиземноморью от Крыма до Испании, Иония разносила повсюду технологию керамики, текстиля, стали, славу своей скульптуры, архитектуры и науки, особенно географии и физики» (Б)¹. Когда Сократ в диалоге Платона «Федон» (Федон 190b) говорил, что «мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота»², он имел в виду и интенсивное взаимодействие городов, и некоторую хаотичность их отношений, и их неспособность объединиться ради общего блага – и дальше вполне в духе Гераклита рассуждал, что жизнь внизу, как бы в котловине, не может быть достаточно здоровой и познавательной – отсюда такая неразумность, по платоновскому Сократу, обитателей полисов. В этом смысле ситуация в греческих колониях Малой Азии напоминала в чем-то рост городских коммун в ренессансной Италии, в том числе и по политическим и научно-философским последствиям; и Гераклит как мыслитель, думавший о единстве всего, об «общем» (ξυνόν, *ксюнон*) как основе разумной политики и разумного действия, сопоставим разве что с Данте Алигьери как автором трактатов «Монархия» и «О народном красноречии», который тоже мечтал о единстве Италии на основании общего языка, выражающего разумный общественный интерес.

Гераклит жил в VI–V веке, его *акме* (время творческого расцвета) приходится, по имеющимся свидетельствам, на 504–501 гг. Строго говоря, Гераклит родился и прожил всю жизнь в оккупированной стране. В 546 году до н. э., то есть за несколько лет до рождения философа, вся греческая Иония была покорена Гарпагом, полководцем царя Кира, и греческие города стали платить дань персидской монархии. Персы поощряли тиранию в греческих городах, представлявшую собой вовсе не абсолютизм в привычном нам смысле, а коллаборационизм: в качестве правителей они признавали тех, кто пришел к власти хитростью, обманом и насилием, но при этом был готов выполнять все распоряжения оккупационной власти. В 499 году произошло событие, положившее начало полувековым греко-персидским войнам: осада города Наксос, находившегося на одноименном острове. Порядок событий излагает Геродот: в 500 году изгнанные с Наксоса по подозрению в притязаниях на власть богатые граждане убедили тирана Милета (самого заметного города греческой Малой Азии) Аристагора отправить флот

¹ Расшифровки сокращенных ссылок см. ниже.

² Перевод С. П. Маркиша.

для захвата острова и возвращения их в страну. Аристагор получил огромную военную помощь от царя Дария I с целью расширить владения Персии на море. Но грек Аристагор и персидский начальник Мегабат вскоре поссорились, не поделив власть, и Мегабат решил наказать Аристагора, предупредив жителей Наксоса об опасности. Наксос четыре месяца держал оборону, и оккупационное войско ушло ни с чем.

Для персидской монархии это было тяжелым поражением: потраченных на экспедицию средств было не вернуть, и люди Дария пригрозили Аристагору тем, что отнимут у него Милет в наказание. Аристагор сразу же превратился из коллаборациониста в патриота греческих земель, призвав всю Ионию восстать против персов. В 397 году была создана лига греческих городов, чтобы координировать действия на фронте. Восставшими владела иллюзия легкой победы: они весьма скоро, в 395 году, захватили персидские Сарды и сожгли храм Кибелы. Но несмотря на поддержку восстания всеми греческими городами Малой Азии и наличие десанта из Афин (а благодаря афинским эмиссарам о Гераклите узнали довольно быстро в Афинах и во всей Греции), персы смогли мобилизоваться и организовать широкомасштабное выступление по всему фронту.

В 494 году персы, внеся раздор в командование милетским флотом, захватили и сожгли Милет, родину великого Фалеса. Все мужчины в городе были убиты, а женщины и дети обращены в рабство, после чего Милет никогда уже не смог вернуть себе былого богатства и славы. В 493 году персы окончательно восстановили контроль над Малой Азией, не щадя сопротивлявшихся; при этом, правда, не карая сдавшихся по доброй воле, благодаря чему Эфес и сохранился и греки впоследствии могли успешно воевать против Ксеркса. Некоторым полководцам удалось бежать, например, тирану Херсонеса Фракийского (нынешний Галлиполи) Мильтиаду, оправданному афинским судом и сделавшему головокружительную военную карьеру на новой, но столь же греческой, родине: он командовал в знаменитой битве при Маратоне и, по видимости, метил в тираны Афин.

Как ни странно, возвращение персидской оккупации способствовало установлению демократии в греческих городах: персы поняли, что тираны – союзники ненадежные, что против них народ может опять восстать, а заслужить доверие народа важнее, чем преданность тиранов. Сам Гераклит не любил тиранов. Существует предание, что именно он убедил тирана Меланкома сложить власть. Но также он не любил и полисную демократию, считая ее властью незрелых людей, ребячеством: в частности, он упрекал эфесцев за изгнание Гермодора – влиятельного политика, который, вероятно, готовился дать Эфесу новое законодательство. Вполне вероятно (Л 15), что создание Гераклитом его философского труда последовало за этим событием – Гераклит считал, что законы Эфесу и, косвенно, всем греческим городам даст Гермодор, но когда оказалось, что Эфес стал неуправляем, пришлось создавать особое, философское законодательство для настоящих и будущих читателей книг (знатоков права и не только), идеальный философский труд, который вернет гармонию в мироздание, а не только в город.

По сути, о Гераклите как о действующем политике есть только один достоверный исторический рассказ, воспроизведенный Плутархом в речи позднеантичного оратора Фемистия, дошедшей до нас только в арабском переводе и наградившей философа прозвищем Болтальщик (М 18). Когда в городе поднялась смута «из-за денег», то есть из-за налогов, Гераклит должен был выступить и дать совет, который восстановил бы гражданское согласие. Но вместо произнесения речи он взял стакан с водой, развел в нем ячменную муку, отпил и удалился. Это приготовление кикеона, трапезы бедняков, которая стала для Гераклита в одном из фрагментов метафорой правильного распределения усилий при «взбалтывании» в исторически сложной ситуации, конечно, было призывом к всеобщей скромности. Лучше вместе «взболтать» город, то есть бодрствовать и сделать скромную жизнь нормой, чем блуждать умом в фантазиях, какой налог справедливее. Здесь Гераклит напоминает других античных законодателей, провозглашавших скромный образ жизни нормой гражданского согласия, как Ликург в Спарте

или Нума Помпилий в Риме, но с тем отличием, что ему пришлось вскоре удалиться из собрания.

Фемистий смотрит на дело оптимистичнее: в городе уже чувствовалась нехватка продовольствия, но никто не смел выступить как законодатель, способный ограничить потребление, и жест Гераклита был фактическим учреждением закона против роскоши. В версии Плутарха Гераклит выступает как впечатляющий оратор, способный найти общую точку интересов граждан, почти как софист, что несколько модернизирует его облик; у Фемистия он оказывается ближе к архаическим законодателям как шаманам и пророкам. Но во всех этих изложениях вопрос сводится к трусости сограждан, что, конечно, ближе к позднеантичным кризисам гражданского общества, чем к действительной ситуации в Эфесе того времени. Скорее, этот исторический анекдот сообщает нам, что Гераклит был разочарован в гражданах, но мог превратить старый жест пророка в посыл приведения сограждан в чувство. Вероятно, Гераклит, видя неудачу лиги городов, задумался о том, что кроме общего командования нужны и общий язык, и общая валюта, и многое другое, и в своей книге выступил как пророк-реформатор, давший яркие примеры для такой программы.

Жизнь Гераклита

Гераклит принадлежал к религиозно-политическим реформаторам той эпохи, которую Карл Ясперс назвал «осевым временем» – временем поворота от народных поверий к большим комплексам идей, по-новому определяющим предмет веры и требующим иного отношения к истории: осевое время и позволило действовать в истории на рациональных началах, а не по приметам и гаданиям. Ситуация в греческом мире была в этом отношении сложной: сильная аристократия в ряде полисов поддерживала систему гаданий, кидания жребия как бы богами – лучший пример такого общегреческого гадания, это, конечно, Олимпийские игры, которые должны были показать всем грекам очередного любимца богов, победителя соревнований. Именно аристократия во всех культурах поддерживает эпос как рассказ о доблестных предках, друживших с богами, но в греческих землях она стала поддерживать и спорт. Гераклит в этом смысле не отвергает, а радикализирует аристократическую этику, считая, что если признавать жребий, то только космический, полностью принадлежащий священной сфере, капризный мировой огонь, а не отдельные ситуативные догадки. Если признавать стадион – то мировой стадион (по реконструкции А. В. Лебедева – одна из основных метафор Гераклита). Здесь Гераклит, конечно, напоминает Лютера, для которого воля Божия непредсказуема, на нее никак не могут повлиять человеческие поступки, и именно поэтому вера в Бога гонит прочь любые суеверия.

Сохранился замечательный рассказ о введении Гераклитом детей во храм. Однажды, вместо того чтобы обсуждать дела полиса, он повел детей в храм Артемиды, чтобы играть в *астрагалы* – кости с четырьмя гранями (давний предок *дрейдла*, ханукального волчка, возможно, заимствованного евреями у греков и римлян). Это было вдвойне вызовом и скандалом – лишить себя и политического, и жреческого достоинства. Но Гераклит объяснил возмущенным согражданам, что их мелочные политические дискуссии хуже этих детских азартных игр. Сам Гераклит, сравнивавший век (я бы сказал, обычную жизнь) с ребенком, который сам с собой играет в азартную игру (*нессею*, вроде шашек), имел в виду то, что мировые закономерности непредсказуемы, но не нужно усложнять и так сложную ситуацию бесплодным отстаиванием частных интересов. Существенно и то, что храм в античности был не местом собраний, а домом божества и убежищем – войти в храм означало стать беженцем, преследуемым неразумной толпой.

Другой исторический рассказ о Гераклите (у Аристотеля в трактате «О частях животных») гласит, что однажды суровой зимой мыслитель грелся у печки, то есть сидел в своей каморке, избегая публичной жизни. Нарушая дипломатический этикет, он не вышел навстречу послам, которые прибыли посоветоваться с ним как с самым влиятельным человеком в городе, а пригласил их сесть рядом, сказав: «И здесь тоже боги». Рассказ можно понять, только если почувствовать дух греческой религии: перед принятием важных политических или дипломатических решений требовалось открыто молиться богам, забыв о мирских обязанностях и потребностях, чтобы боги не обиделись, Гераклит же предлагает разумно посоветоваться в тесном кругу, примерно как потом совещались на виллах в Венецианской республике. Как если бы сейчас предложили не разбивать бутылку шампанского о борт спущенного корабля, а выпить ее, взбодриться и вместе подумать, как улучшить кораблестроение.

Итак, Гераклит был царем, что являлось в полисе ритуальной должностью наследственного жреца храма Артемиды Эфесской. Изначально культ великой богини был местным анатолийским культом плодородия, но при установлении единого пантеона для греческой религии городская богиня, изображавшаяся со множеством сосцов, была отождествлена с Артемидой-охотницей, что очень помогло Гераклиту в развитии его философии: Артемида была сестрой Аполлона, и Гераклит в культурном конфликте Аполлона и Диониса (по Ницше) одно-

значно стоял на стороне Аполлона. Он предпочитал огненное, солнечное, ясное, рациональное, четко разделяющее противоположности и настаивающее на единстве мира – все то, что связано с Аполлоном. Любой иррационализм, безумие, неопределенность, доверие отдельным вещам и отдельным состояниям вне целого (что сопрягалось с именем Диониса) его только раздражало. В жертву Артемиде приносили быков, а также начатки плодов, гирлянды орехов и ягод, и, памятуя наш Медовый или Ореховый Спас, можно легко представить эти праздники.

Лебедев (Л 19) считает, что Гераклит противопоставил культ Аполлона местному побежденному культу Посейдона (культ моряков, примерно как почитание Николая-угодника русскими моряками): в любом случае, усилить авторитет общегреческих центров принятия решений, таких как Оракул в Дельфах, невозможно было на основе культа Посейдона. Исторически Гераклит оказался прав: в 478 году, вероятно, вскоре после смерти Гераклита (хотя, может быть, и при его жизни), по предложению афинского политика и флотоводца Аристиды Справедливой была создана Делосская лига (она же в учебниках – Первый Афинский морской союз) с центром на острове Делос с его культом Аполлона: там располагалась общая воинская казна для централизации финансирования военных операций, которую потом Перикл перенес в Афины. Аристид Справедливый не писал книг, но по духу был продолжателем Гераклита в Афинах.

Царский род Гераклита восходил к афинскому царю Кодру, так что он был родственником и Платона, и многих афинских аристократов. По свидетельству эллинистического компилятора Антисфена Родосского, которого цитирует Диоген Лаэртский, Гераклит из гордости отрекся от своего титула и связанных с ним привилегий в пользу младшего брата – вероятно, после очередной ссоры с согражданами: при этом, вероятно, книгу свою он создавал еще будучи в жреческом сане. Цицерон в «Тускуланских беседах» назвал Гераклита республиканским вождем (*princeps*) Эфеса, вероятно, немного выдавая желаемое за действительное: все же ни его друг Гермодор, ни он сам не смогли создать новую конституцию для Эфеса и других городов, хотя, конечно, хотели быть настоящими вождями. Привилегии, которые давал этот сан царя-жреца, кажутся нам почти смехотворными (вроде сидения в первом ряду в театре), но на самом деле это фактически означало избранность и близость к воле богов. Гераклит, не понятый толпой, не стал Бенджамином Франклином античного мира, хотя как знаток и исследователь метеорологических явлений был очень на него похож, но не будь его – не было бы, возможно, и Франклина.

Народу, не способному объединиться для борьбы за свободу и установление лучших законов, Гераклит не доверял. Но с не меньшим недоверием он относился к учености его времени. В одном из приписываемых ему писем (конечно, это явно не его рука, а позднейшие риторические упражнения – «что бы мог сказать знаменитый человек») он обвинил врачей в том, что те залечили до смерти его дядю. Вообще книга Гераклита, как мы увидим, была глубоко полемичной, напоминающей такие программные труды XX века, как «Психология искусства» Л. Выготского, «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна или «Основы семиологии» Р. Барта – даже если в таких работах подробно не разбираются положения противников, понять их можно, только если учитывать войну на множество фронтов, спор с предшественниками и современниками. Так и Гераклит спорит с Гомером и современными ему учениками Пифагора яростно и страстно.

О поздних годах жизни Гераклита, как и о его ранних годах, мы знаем очень мало. Диоген Лаэртский, собравший множество сплетен о философах, изложил поздний период его жизни так: «Возненавидев людей, он удалился и жил в горах, кормясь быльем и травами. А заболев оттого водянкою, воротился в город и обратился к врачам с такой загадкой: могут ли они обернуть многодождье засухой? Но те не уразумели, и тогда он закопался в бычьем хлеву, теплою навоза надеясь испарить дурную влагу. Однако и в этом не обрета облегчения, он скон-

чался, прожив 60 лет»³. Если за этим пренебрежительным текстом и стоят какие-то факты, то они следующие. Гераклит был, судя по всему, вегетарианцем, возможно, под влиянием зороастрийской религии, требовавшей ограничивать потребности тела, и слух о хождении по горам и питании травой обычно пародирует религиозно убежденное вегетарианство – как и в случае библейского Навуходоносора. Самолечение Гераклита весьма вероятно, учитывая его склонность все делать самому и обходиться без слуг, в том числе растапливать печку, а также презрение к тогдашней медицине как не знающей подлинной природы вещей. Врачи, не понимая загадок, не понимают и настоящей парадоксальной природы вещей, леча только в силу привычки, по готовым рецептам. По версии, приводимой Диогеном Лаэртским, он, обмазавшись навозом, лег на солнце и умер прямо на площади, а его труп растерзали собаки. Вероятно, здесь опять же сохранился какой-то выпад против зороастризма, почитавшего Солнце и Огонь и запрещавшего хоронить трупы под землей, – иначе говоря, это следы межрелигиозных полемик эллинистического времени, мало что говорящие о личности Гераклита. Но, возможно, его решимость умереть на публике и беззаботное отношение к посмертной судьбе тела в презиравшем им мире – реальные факты.

³ Перевод М. Л. Гаспарова.

Книга Гераклита

Книга Гераклита у Диогена Лаэртского называется «О природе» – точно так же, как все натурфилософские трактаты от Фалеса до Лукреция (латинское «О природе вещей» просто вводит уточняющее несогласованное определение, чтобы читатели не подумали в духе тогдашнего стоицизма, что речь пойдет только о сопоставлении природной и человеческой жизни). Может быть, она и никак не называлась. Свидетельства, начиная с Аристотеля, однозначно говорят, что книгу он закончил и считал завершенным произведением. В этой книге замечательно, что автор говорит от первого лица – пусть даже выступая как оракул Аполлона или верный слугитель Логоса: он пристрастен, он лично реагирует на ситуацию, он излагает свое учение, не оглядываясь на авторитеты, а, наоборот, их попирая. В этом смысле он стоит ближе к лирическим поэтам и историкам, прямо называвшим свое имя, чем к древнейшим мудрецам, создававшим безличные изречения, которые закрепляла за их авторством только традиция, но не их собственное слово.

Конечно, философы греческого мира предшествующего поколения, от Пифагора до Ксенофана Колофонского, выдвигали на первый план свою личность и даже сакрализовали ее, как Пифагор; но в следующих поколениях философия постепенно возвращалась к безличности – как шутил Цицерон, пифагорейцы могли в подтверждение своих слов только сослаться на авторитет учителя («Сам сказал»), но не отстоять личную позицию. Тогда как Гераклит не просто считал себя умнее всех и рекламировал себя, но и никого не учил, чтобы те, кто хотят следовать его философии, сами учились развивать аргумент. Искал ли Гераклит сакральной санкции для своего текста, а не просто для своих высказываний о божественном и природном?

С. Н. Муравьев (М), своеобразно толкуя эпизод из «Софиста» Платона, считает, что Гераклит мог привести слово «Музы» в заголовке своего труда – тогда он оказывается предшественником Геродота, санкционирующего свой исторический труд прямым благословением этих богинь – как если бы мы назвали книгу «Прогресс», или «План будущего», или «Конец истории», как Фукуяма, – для нас эти историософские понятия звучат так же сакрально, как Музы для грека. Но это мнение спорно – А. Лебедев его отвергает, указывая на презрение Гераклита к поэтической фантазии и нежелание поддерживать традиционную мифологию, равно как и на связь только с культом Аполлона, но не его Муз, хотя совсем исключить возможность такого рекламного заголовка не получается.

Книга Гераклита была прежде всего медийной революцией, сопоставимой с жестом М. Лютера, вывесившего свои «95 тезисов о прояснении действительности индульгенций» типографски отпечатанными, тем самым превратив богословие из профессиональной дискуссии в тиражируемое знание, или с изобретением кинематографа и телевидения. Вероятно, только одно событие в классической античности сопоставимо с предприятием Гераклита: кодификация по велению тирана Писистрата поэмы Гомера в Афинах, благодаря чему появился канонический список, служивший и конституцией, и политическим аргументом в споре с другими полисами об истории. Жест Лютера стал поворотным в культуре не потому, что он начал публичный спор, но потому, что он употребил типографское средство, тем самым создав некий неотменяемый канон бытования текста несмотря на показной единственный экземпляр: отныне можно было сжечь папскую буллу, но не Лютерову Библию.

Показное и рекламное – обязательная составляющая медийной революции: сам Писистрат, по сообщению Геродота, второй раз пришел к власти, облачившись в золотые одежды и усадив в качестве спутницы в колесницу статную и прекрасную женщину в образе Афины; и люди поверили, что он действительно был привезен Афиной. Так фантазийный эффект реальности был поддержан слухом. Не нужно удивляться возмущившему Геродота легковерию афинян: например, согласно их представлениям, боги ходят легкой походкой, не переставая

ног, но разве не этому служат каблуки в мире, который тоже хочет увидеть божественными своих обитательниц? Так что Гераклит, создавая книгу, которую никто не может до конца понять, но при этом остается на всю жизнь впечатлен ее цитатами, действовал тоже как вождь-харизматик. Вероятно, именно он положил начало такому явлению, как религиозное обращение под влиянием какого-то одного высказывания, какого-то одного стиха Евангелия, услышанного в церкви, которое мы можем наблюдать и в наши дни.

Эту книгу можно было читать в храме, но, вероятно, нельзя было копировать, а только запоминать: в частности, ее выучил наизусть афинский драматург Еврипид. Диоген Лаэртский передает (это не подтверждается независимыми источниками), что сочинение Гераклита под влиянием Еврипида прочел Сократ, а по прочтении заявил: «Что я понял – прекрасно; чего не понял, наверное, тоже. Только, право, для такой книги нужно быть делосским ныряльщиком»⁴, то есть нырять на большую глубину при чтении любой фразы и любого тезиса, постигать глубинный, скрытый под поверхностью слов смысл. Из сообщения Диогена Лаэртского может показаться, что Еврипид снял копию с книги и показал Сократу уже в Афинах. Вряд ли это могло быть так, скорее, здесь выразилась общая идея о переносе после учреждения Афинского морского союза центра военно-политической организации, со всеми требуемыми письменными инструкциями, из Малой Азии в Афины.

Утверждению книги как предмета культа способствовало и то, что Артемида почиталась как сестра Аполлона, а учение Гераклита могло восприниматься как пророчество аполлоновского типа, наводящее порядок в бытии, как явление в строго построенных словах принадлежащего Аполлону строя и гармонии. Об этой связи с аполлиническими пророчествами говорит его странное прозвище, придуманное или воспроизведенное позднейшим недоброжелателем, скептиком Тимоном Флиунтским и процитированное Диогеном Лаэртским, – «кукарекальщик», то есть шантеклер, Аполлонова птица рассвета, и одновременно возбудитель толпы какими-то своими невнятными философскими восклицаниями.

Еще раз повторим, что эффект реальности действительно производился античным искусством: поистине натюрморт должен был возбудить аппетит, как любая хорошая реклама, иначе какое право он имеет на существование в сравнении с вещественными овощами, а золотые статуи Зевса или Афины выглядеть как живые и дышащие существа. Когда Перикл говорил, по свидетельству Фукидида, что афиняне «любят красоту без излишеств и философию без расслабленности» – это явная риторическая уловка политика, частично воспринявшего парадоксальную диалектику Гераклита (изречение по строению вполне подражает Гераклиту, но только говорит не о философских вещах): все же Акрополь он украшал, не щадя средств.

Например, чем была античная трагедия (в понимании трагедии и трагического я следуя прежде всего Ф. Ницше и Ж. Боллаку)? Иммерсивным зрелищем, со множеством иллюзионистских приемов, прямо затрагивавшим зрителей, для которых герои на сцене – это прежде всего предки, прапрадедушки. В этом смысле трагедия скорее сопоставима с памятным военным парадом, просмотром фильмов про войну, «Бессмертным полком», чтением имен у Соловецкого камня, поднятием флага и другими, по сути, литургическими действиями, чем с репертуарным театром.

Эффект реальности мог создавать блеск золота, и здесь древние греки не отличались от послов князя Владимира, которые почувствовали себя в Святой Софии как в истинном раю. Философы, конечно, демонстрировали скромные, но тем более запоминающиеся, требующие концентрации знаки божественного статуса: Пифагор, по преданию, показывал золотое бедро, Эмпедокл ходил в золотых туфлях. Книга Гераклита требовала уже предельной концентрации внимания.

⁴ Перевод М. Л. Гаспарова.

В этом смысле непосредственного переживания прошлого как овеществленного настоящего рассматриваемое нами время – действительно трагическая эпоха; трагедия же – это про неудачное обожение, про *гибрис*, неудачное присвоение героем божественных прав (Зевс может кого угодно убивать, а Эдип – нет), что вызывает тошноту и после *катарсис*, развязку, в которой на люльке спускается бог и наводит порядок, устанавливает здоровые отношения между людьми, полубогами и богами: *одни иллюзии очищают другие*. Гераклит создал настоящую модель, в которой развязка, непосредственное учреждение космического порядка при огненном явлении Логоса, лучше всего была бы разыграна на сцене – и можно только мечтать о скорой постановке книги Гераклита каким-нибудь из наших постдраматических театров.

Итак, книга лежала в храме как неприкосновенная святыня. «История достаточно правдоподобна: храмы часто служили хранилищами денег и других ценностей, а для времени Гераклита не известно ни одной библиотеки» (S). Но можно ли сказать, что, существуя в эпоху Гераклита библиотека, он бы сдал в нее свою книгу? Гераклит, положив книгу в храме, сделал ее святыней, причем действующей, от которой ждут исцелений и чудес. Храм Артемиды Эфесской, напомним, был храмом с чудотворной статуей, из сосцов которой лилось молоко. По мнению В. Бибикина, диалектика Гераклита, будучи в своем материальном облике помещена под крышу храма, оказалась наиболее хитрым способом обеспечить согласие двух враждующих народов в ситуации оккупации и исключить любую расправу оккупантов-персов над Эфесом в будущем: «Огнепоклонники персы, населявшие целые кварталы Эфеса, угадывали в городской богине свою «влажную, сильную, непорочную» *Анахити*, богиню не только царственной чистоты и плодovitости, но и войны. Из Эфеса шло наступление на Сарды в годы ионийского восстания греков против персов (499 – 493 до н. э.). Но в целом, постоянно испытывая давление массивной Персии, Эфес стремился поддерживать с ней дружеские отношения. Персидский царь Ксеркс в 478 году, возвращаясь из Греции после поражения, молился в Артемизиуме и оставил при храме своих детей для их сбережения» (Б).

Вероятно, Гераклит основное внимание уделил в книге религиозной реформе, призванной заменить веру в судьбу и местных богов, суеверия, которые препятствуют соединению полисов и подстрекают персов к поспешным действиям, общей религией разума, с которым соизмеряется природа и в конце концов должны соизмеряться человеческие поступки. Как пишет А. Лебедев, «согласно нашей гипотезе <...> философская теология и политическая утопия Гераклита составляли часть практического проекта реформ, подготовленных им для Ионийской лиги, но не осуществленных. Практической целью было создание федерального государства ионийских греков для отпора Персидской империи» (Л 445). Но думающий не только о греках, но и о мире с персами Гераклит как ученый и политик мирового масштаба предвосхищает не только Б. Франклина, но и Л. Толстого и А. Сахарова.

В таком случае Логос Гераклита – это прямое предвестие *Culte de la Raison* (культа Разума) в революционной Франции 1793 года; напомним, что алтари этого культа были посвящены «Философии». Правда, Разум Французской революции, из-за женского рода слова (*intelligence* – *фр.*) скорее сближался с Афиной, чем с Логосом и был вскоре вытеснен более народным *Culte de l'Être suprême* (культом Верховного существа) как понятной гражданской религией, тогда как проект Гераклита, если бы он удался как религиозно-политический, несомненно стал бы ключевой монотеистической реформой всего Древнего мира, обновив персидский зороастризм и создав новую религиозно-политическую реальность всей Малой Азии и, возможно, всего Средиземноморья. Оригинал книги, судя по всему, погиб в огне пожара, устроенного Геростратом в 356 г. до н. э. Поджечь каменный храм было нетрудно: статую богини, по одной из версий (за достоверность не ручаемся), смазывали салом из бычьих яичников для увеличения плодородия.

Репутация Гераклита как «темного» мыслителя, который не то из нелюбви к современникам, не то из божественно-оракульских амбиций, не то из-за множества нерасчитанных тем

сделал книгу почти нечитаемой, многократно обсуждалась в античности. «Феофраст, который читал его книгу, сказал, что она выглядела законченной только наполовину, чем-то вроде мешанины, которую он приписывал меланхолии автора» (S). Цицерон (*О пределах добра и зла*, 2, 15) считал, что Гераклит говорил темно не из-за «темноты» и сложности разбираемых вопросов, в отличие от Платона в «Тимее», а потому что делал это нарочно, чтобы слушатели задумались о его предметах, провоцируя различные размышления. Это мнение Цицерона (сходное положение развивалось христианскими экзегетами, например Иоанном Златоустом, считавшими, что темные и противоречивые места Библии нужны для того, чтобы спровоцировать работу разума) потом было поддержано, например, А. Баумгартеном в параграфе 672 «Эстетики» (1750), который считал, что тем самым Гераклит отучал читателей от мышления по аналогии и призывал применить способности разума к постижению действительных предметов.

Поэтому Гераклит, писал Баумгартен, всегда становился понятен разумным читателям, способным к анализу действительности вещей. Конечно, после Г. Фреге и последующей аналитической философии, разделившей положение дел и протоколы высказывания, мы уже не можем рассуждать так наивно, как Баумгартен. Впрочем, в следующем параграфе создатель эстетики объясняет темноту стиля Гераклита раздражением на сограждан, тем самым перенося внимание от слабости аудитории к предполагаемой слабости самого Гераклита и порицая его.

Мы же можем говорить, что «темнота» Гераклита не бóльшая, чем темнота «Бхагавад-Гиты», также интерпретирующей понимание мироздания в ситуации столкновения с войной. Или темнота «Войны и мира» Л. Толстого, где тоже люди непривычные сталкиваются с войной – признание в истории беспорядочного движения, неколебимость нравственных императивов, наконец, сон Пьера Безухова с образом жизни как шара, не исключая случайности, в отличие от разных метафизик всеобщей цельности – чем это не повторение труда Гераклита? Тем более что амбиции политически-религиозного реформатора и миротворца у Толстого были не меньшие, равно как и бытовая раздражительность, критика обрядовой религии, вегетарианство, обучение детей с заменой церкви школой, презрение к художественным выдумкам в трактате «Что такое искусство» и загадочная смерть – почти все основные вехи биографии Гераклита повторены Толстым.

Учение Гераклита

Гераклит запомнился в культуре как «плачущий» философ, раздраженный скептик, предвосхищающий эллинистических скептиков и стоиков. Действительно, ряд идей, например идея «Великого года» (промежутка существования мира между двумя воспламенениями, гибелью богов и мироздания – у греков был свой Рагнарек), поддержанная стоиками, вероятно, впервые появилась у Гераклита. Также Гераклит впервые ввел в широкий оборот многозначные слова «Логос» и «философия» (второе сомнительнее). Логос – это мера, счет, отношение, а уже во вторую очередь – речь (все же *логика* учит правильным сочетаниям понятий, а не правильному произнесению публичных речей), и мы увидим, что это верховное понятие Гераклита, собирающее всю его систему в единый комплекс тем и проблем, одновременно означает и некоторое слово, и даже саму эту книгу, которая должна преобразить реальность – Гераклит, в отличие от позднейших мыслителей, таких как Аристотель, не стеснялся многозначности и игры слова.

Для понимания мысли Гераклита прежде всего обратим внимание на замечание французского хайдеггерианца Ф. Фейхе:

Слово Гераклита вещает и показывает «двойное единство сущего и бытия». На самом деле, показывает с одной стороны все, что есть, все сущее, а с другой стороны единство, бытие одним. Для мысли Гераклита важно схватить обе стороны. Это Платон будет после говорить, что стол – это идея, *эйдос* стола, общая для всех столов. А для Гераклита все, что есть, то так и есть, как все. Нам здесь важно, что сам способ мысли Гераклита в том, что единство открывается мысли как мысли и только тогда можно говорить о единстве, когда мысль пришла как единая мысль (F 54).

Возьмем то же слово «логос». Согласно Гераклиту, люди не слышат логос и прежде, чем выслушать, и уже выслушав. Потому что люди, несмотря на то что умеют классифицировать вещи (любой эпик различал божественную и человеческую область и называл вещи своими именами), не могут понять меру в вещах. Они слишком суеверны и не понимают, что такое достаточное основание существования вещи.

Поэтому Гераклит и говорит, что люди оказываются в разладе с тем, с чем находятся в непрестанном общении. Стоит им этот логос попробовать поймать, стоит с ним вступить в общение, стать соответствующими этому логосу, как они начинают суеверно мечтать. В результате оказывается, что, хотя они столкнулись с логосом лицом к лицу и, казалось, уже совпали с этим логосом и уже стали «логосными» людьми, тем не менее они оказались очень далеко от этого логоса.

По видимости, очень многие высказывания Гераклита говорят именно о том, что цель человека – совпасть с этим логосом. Но человек все время пытается мыслительными действиями и догадками отклониться от того, что уже познал. Логос, с одной стороны, непривычен, а с другой стороны, привычки будут роковым образом работать и после встречи человека с логосом, уже не как человека мифологического, а как человека мыслящего. Поэтому неожиданно для нас Гераклит противостоит не только поэзии, но и научной философии – истинные догадки для Гераклита еще не есть истина.

Поэтому Гераклит называет своих противников лжесвидетелями, говорит о том, что они идут против правды, не понимают самых простых вещей, которые впоследствии войдут в культурную традицию Европы, где все изучавшие философию запомнили, что путь вверх и вниз – один и тот же путь, что начало и конец совмещаются, что море оказывается различным по вкусу для рыб и для людей, что ослы солому предпочли бы золоту. На поверхностном уровне

эти изречения, настоящий смысл которых раскрывается в комментариях, – об умении Гераклита понимать разные стороны вещей и видеть, что каждое действие, исходя из собственных законов, может привести к общему логосу, и ради этой общности он утверждает различие вкусов и переход вещей в противоположности.

Но будем внимательны к тому, что на самом деле имеется в виду. На самом деле, каждая вещь может оказаться избыточной и недостаточной. Поэтому Гераклит говорит, что море расточается и вновь восполняется: море, будучи постоянно морем, оказывается одновременно избыточным и недостаточным, такими же оказываются огонь и любой другой предмет, о котором толкует Гераклит – любой из них может оказаться как превышающим себя, так и не достигающим до самого себя. Все эти переходы, которым учит Гераклит, свидетельствуют о том, что каждая вещь колеблется относительно своей сущности и никогда не находит свою сущность сама. Она постоянно оказывается то больше самой себя, то меньше. По сути, Гераклит здесь и создает модель кредитования, важную и для Афинского морского союза, и для современных международных финансовых организаций. И когда он говорит о всеобщем огне и всеобщей ценности золота как красоте, он учреждает порядок для всего мира.

Если вещь неуловима, то для человека следуют самые пессимистические выводы. Гераклит постоянно упоминает о том, что нрав преследует человека, нрав человека – это его демон, некий дух, который им управляет. Оказывается, что эти колебания в человеке относительно некоей нормы, по отношению к которой вещь никак не придет в норму, говорят о том, что человек есть нрав. Нрав одновременно превышает его и как-то ограничивает. Но как он это делает, выясним уже при чтении комментариев.

Гераклитоведение: несколько эпизодов

Гераклита знали ренессансные неоплатоники, такие как Марсилио Фичино (1433–1499), благодаря античным и средневековым комментариям к Платону. Но настоящую волну интереса к Гераклиту создал богослов-романтик Фридрих Шлейермахер благодаря своей работе «Гераклит Темный», содержащую 73 фрагмента текстов Гераклита. И уже Гегель и Шеллинг смогли публично заговорить о Гераклите как одном из гениев мировой философии, хотя они оба были знакомы с основными идеями Гераклита еще до выхода книги Шлейермахера, хотя бы из сочинений Диогена Лаэртского и французских материалистов: Д. Дидро считал Гераклита «моральнейшим из философов», а П. Гольбах видел в нем, наравне с Демокритом, создателя научного материализма, предпочитающего знание субстанции показаниям чувств.

Согласно Гегелю, Гераклит реформировал прежде всего медийный характер субстанции, субстрата; он не мог считать, что в основе всех вещей лежит вода или воздух потому, что мыслил бытие тождественным с небытием, как чистую изменчивость или как «бесконечное понятие». Дело не в том, что мышление Гераклита возвысилось на должный уровень абстракции, а в том, что Гераклит не мог укоренять понятия в процессах: вода казалась ему изменчивой, тогда как любое понятие оказывалось никак не привязано к этой ограниченности и изменчивости.

Поэтому огонь Гераклита, по Гегелю, это постоянная метаморфоза, но и постоянное установление параметров, «меры» для других вещей: например, душа, в отношении к огню называется «испарением». В духе своей эпохи даже в мировом пожаре по Гераклиту Гегель увидел «постоянное сгорание как возникновение дружбы, всеобщую жизнь и всеобщий процесс вселенной»⁵, иначе говоря, практическое применение первопринципа, в том числе и для социальных практик. Единственное, чего, по Гегелю, не хватило Гераклиту – это превращения бесконечного понятия во всеобщее понятие, т. е. отождествления субстанции и покоя, которое только и позволяет давать научные определения, – не в ошибочном духе «это когда», а открывая сущность вещи. Окончательно утвердил Гераклита в каноне мировой философии труд гегельянца Фердинанда Лассалья «Философия Гераклита Темного из Эфеса», вышедший в Берлине в 1858 году, в котором Гераклит был изображен прогрессистом и первым политэкономом, – этот труд, в частности, конспектировал, ругаясь, Ленин.

Пионером изучения Гераклита в России в рамках самостоятельной системы был князь Сергей Трубецкой, издавший в 1900 году книгу «Учение о Логосе в его истории». Для Трубецкого первая проблема гераклитоведения – насколько мыслитель отождествлял «свое слово, свою мудрость с самой премудростью вещей»⁶, иначе говоря, считал ли он мир постигаемым или нет? В сфере идей новейшей философии об агентности нечеловеческого мира, его способности к самостоятельному действию (современные новые онтологии или экологическая философия), этот вопрос кажется странным – ясно, что для Гераклита существенны законы мира, тогда как законы мышления еще должны быть политически учреждены.

Гераклит для Трубецкого – прямой предшественник стоиков, отождествивших мировой принцип разума со стихией жизненного огня и тем самым преодолевших хотя бы на уровне этических решений противоречие между нормативным и действительным. Гераклит просто развил эту мысль локально, в зерне, как написал Трубецкой: «тот скрытый, идеальный разум вещей, то Слово Гераклита, которым все вертится, в котором разгадка вселенной»⁷. Такое стоическое снятие противоречия между нормой и действительностью было недопустимо для иде-

⁵ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн.1. СПб.: Наука, 1993. С. 295.

⁶ Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории. М.: Типография Лисснера, 1906. С. 16.

⁷ Там же, с. 18.

ализирующего символизма, о чем можно прочесть, к примеру, в поэме «Первое свидание» Андрея Белого о дружеских студенческих спорах с племянником Вл. Соловьева Сергеем:

О Логосе мы спорим с ним,
Не соглашаясь с Трубецким,
Но соглашаясь с новым словом,
Провозглашенным Соловьевым
О «Деве Радужных Ворот»...

Идеалисты, как П. Флоренский, выводили учение Гераклита из его двоemiрия. Согласно Флоренскому и вечная нормативная мудрость, и пребывающий во времени земной хаос изменчивости были для Гераклита равно реальными; поэтому гармония относится у Гераклита только к мудрости, но не к онтологии, изменчивости вещей. Тем самым Гераклит оказывается предшественником софиологии Соловьева и Флоренского, учения о Софии-Премудрости как стоящей выше любых привычных онтологических порядков. Но идея гармонии противоположностей тоже присутствует у Гераклита, и Флоренский вслед за Ницше полностью вписывает эту версию гармонии в трагическое мироощущение греков. Гораздо проникательнее оказался Н. Бердяев, который в статье «Мое философское мирозерцание», опубликованной в 1937 г., сблизил Гераклита с Оригеном и Григорием Нисским, сторонниками апокатастасиса, всеобщего восстановления и спасения.

Одним из ведущих исследователей Гераклита в самом начале XX века был Освальд Шпенглер, впоследствии крупнейший консервативный теоретик культуры в XX веке. Для Шпенглера Гераклит тоже выпадал из общего ряда досократиков, но не из-за особенностей его учения, а из-за особой жреческо-аристократической позиции. Согласно Шпенглеру все досократики исповедовали взгляды, находящиеся между сакральной храмовой мудростью и позднейшей прикладной философией, которая в конце концов выродилась в стоицизм и эпикурейство. Особенность Гераклита лишь в том, что он наследует династические ценности династии эфесских жрецов, и в частности их тайное учение о возможности нарушения гармонии.

Тем самым оказывается, что как философ Гераклит учит о постоянстве с целью словом противостоять угрозе хаоса, но как эзотерик, бесспорно, признает хаос как момент данного тождества. Он и вынужден разыгрывать из себя презирающего толпу аристократа, чтобы хаос не возобладали в общественной жизни, – и превозносить вечность и тождество себе даже самых изменчивых вещей, чтобы поддерживать жреческие традиции, почитание всего вокруг как вечного, глубокомысленного и божественного, уже в поле политической дискуссии. Таким образом, для Шпенглера Гераклит является прежде всего консервативным вождем, умеющим настаивать на «вечных ценностях», наподобие любых консервативных вождей нового и новейшего времени. Но, конечно, гераклитоведение не могло на этом остановиться. Стихотворение Т. С. Элиота «Animula» – это целый трактат о Гераклите и его учении о душе, в котором подчеркивается беззащитность души как необходимое условие для изучения закономерностей природы.

А. Ф. Лосев дал также совершенно романную характеристику философу: «Он был противником всего недодуманного, всего компромиссного, всего слабого, жалкого, трусливого, беспомощного и поверхностного»⁸. Аристократизм Гераклита для Лосева прямо проистекает из трагического мироощущения: античный философ-герой не может мыслить богов антропоморфно, потому что захвачен общей гибелью космоса, общей его переменчивостью, катастрофичностью. При этом Лосев спорил с Г. Дильсом (о нем ниже), утверждая, что Дильс слишком акцентирует текучесть вещей по Гераклиту, пытаясь подогнать все под один принцип. Тогда

⁸ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. С. 408.

как на самом деле Гераклит, по Лосеву, это диалектик, которому, чтобы добиться должного уровня философского отвлечения, нужно было научиться мыслить множество вещей, в том числе тождество изменчивых явлений. Представление о том, что Гераклит, несмотря на утверждение изменчивости, такой же философ тождества и экспериментатор, двигавшийся в сторону открытия полноценной онтологии, как и все прочие досократики, стало нормативным в школе Лосева.

При этом Лосев отмечает и своеобразное «вчувствование», когда говорит о конструктивных интуициях Гераклита: «Попробуйте представить себе, что перед вами вещь, которая есть одновременно и отвлеченная идея, и мифическое существо, и физическое тело. Если вам это удастся, то вы поймете гераклитов огонь, логос, войну, лиру, лук, играющего ребенка. В таком случае станет ясно, что бесполезно приписывать Гераклиту те или иные новоевропейские философские ярлыки»⁹. Таким образом, оказывается, что Гераклит постоянно переизобретал философию в качестве способа работы в том числе с образами нашего ума, инструментализации этих образов, и поэтому его философия не может быть рассмотрена как доктрина, но только как жизнь мысли, ограничившей себя некоторыми параметрами вроде идеализма и анимизма для каких-то чуждых интуициям аргументативных целей.

В. В. Библихин выразил философию Гераклита в одной формуле, близкой уже приведенным словам Федье: «Мир скован – Гераклит совпадает здесь с Парменидом – простым и таинственным фактом, что он именно такой, как он есть» (Б). А позицию Хайдеггера приведу здесь в изложении его французского собеседника переводчика Ж. Бофре, цитируемую Ф. Федье:

Если философия Платона – первый подступ самой философии, так что она только и начала именовать себя философией, это вовсе не начальная точка философии. На самом деле нужно исходить из другого звания, предшествующего философии, исчезнувшего в языке. Это то, как звались бы Гераклит и Парменид. Ни тот, ни другой не называли себя философами, хотя один раз это слово употреблено Гераклитом в 35 фрагменте по Дильсу и Кранцу, но в смысле, о котором нельзя уверенно сказать, не уничижительный ли этот смысл, а глагол *философствовать* появился немного позднее у Геродота. Значит ли это, что Гераклит и Парменид не были «философами»? Если употреблять это обозначение технически, вслед за Платоном, то не были. Разберемся с этим подробнее.

Различие между бытием и сущим, важнейшая черта философии Платона и философии Аристотеля, появляется уже в мысли Гераклита и Парменида. Они оба на самом деле мыслили сущее в его бытии, а не просто рассказывали о происшествиях сущего. Они впервые поставили вопрос о бытии. Но считать, что Платон и Аристотель просто повторили тот же вопрос, просто пошли дальше и развили его дальше – это значит не видеть, насколько радикально поменялся у них этот вопрос в сравнении с Гераклитом и Парменидом. Платон и Аристотель прекрасно понимали, какую перемену они произвели. Для них Гераклит и Парменид – просто болтуны <...>

Слово Гераклита, которое впервые утверждает двойное единство сущего и бытия, таково: *эн панта*, одно-все. Одно в этом одно-все – это общее, *ксюнон*, для всего. Не в том смысле, что все относится к одному, но в том смысле, что все вещи, какими бы они ни были, они все одинаково такие, как есть, если посмотреть на них с умом. С умом, *ксюн ну*, созвучно *ксюну* – общему. Если

⁹ Там же.

смотреть с умом, то тогда и можно последовательно и выдержанно увидеть их «неявную сопряженность» (F 35).

Сам Федье видит в Гераклите эстетического реформатора, сопоставимого с Сезанном: как Сезанн научил нас видеть черный цвет и цвета в единстве как необходимую часть живого бытия вещей, а не их условной репрезентации, как у прежних живописцев, так и Гераклит впервые отошел от условного указания на субстрат у прежних досократиков и стал говорить о единстве противоположностей, которое впервые и делает вещи видимыми и постигаемыми.

Издания Гераклита

Первым научным изданием Гераклита, отвечающим современным требованиям, был, как уже говорилось, труд Ф. Шлейермахера «Гераклит Темный из Эфеса, представленный по дошедшим до нас фрагментам его труда и свидетельствам древних» (1808). Но каноническим стало издание Германа Дильса 1903 года, профессора и одно время ректора Берлинского университета, под названием «Фрагменты досократиков», с разделом по Гераклиту. Именно это издание легло в основу переводов В. О. Нилендера (Н) и А. О. Маковельского (Д), почти во всем следующего за Дильсом, а также и других переводов, делавшихся с других философских позиций, лейбнизианско-гельмгольцевского материализма (П. П. Блонский) или советского официального диалектического материализма (М. А. Дынник, автор книги «Диалектика Гераклита Эфесского», 1929). Также нумерация этого издания сохранена в этой книге для удобства читателей, хотя сейчас часто в мировой науке используется альтернативное расположение фрагментов, предложенное Мирославом Марковичем (наиболее актуальное издание: Marcovich M. Heraclitus: Greek text with a short commentary. Sankt Austin: Academia-Verlag, 2001). А. В. Лебедев в книге «Фрагменты ранних греческих философов», изданной в 1990 году и представляющей собой глубокую переработку труда Дильса, пользовался нумерацией Марковича наравне с нумерацией Дильса, а в новейшем издании (Л) предложил собственную нумерацию, иногда, как и Маркович, объединяя или разъединяя фрагменты. При том что я, как оговаривается в комментариях, поддерживаю многие интерпретации Лебедева, все же сохраняю порядок Дильса как устоявшийся и более подходящий для популярного издания.

Труд Дильса представлял собой издание фрагментов с параллельным немецким переводом, научно-критическим аппаратом, экскурсами и объяснениями, что сразу позволяло пользоваться книгой и в научных, и в учебных целях. Лебедев справедливо отметил хронологическую условность слова «досократики»: не называем же мы Крылова и Жуковского «допушкинскими» поэтами, когда они пережили Пушкина? Тем не менее слово «досократики» иногда употребляется и сейчас как объединяющее ранних натурфилософов, включая и Пифагора как радикального реформатора натурфилософии, и дедуктивных рационалистов, таких как Парменид, и ответивших на дедуктивный рационализм своей теорией языка софистов. Гераклит в таком случае, будучи оппонентом натурфилософов, Пифагора и учителя Парменида Ксенофанта Колофонского, не может быть причислен ни к одной из перечисленных школ, но досократиком будет назван точно.

Название труда Дильса понятно из его концепции «доксографии». Согласно Дильсу, который полностью разделял господствующую тогда «источниковедческую» программу классической филологии, в которой сначала нужно было найти или предположить источник какого-то текста, а потом уже считать его оригинальным, разрозненность фрагментов ранних философов – результат бытования этих цитат в справочных сводах. Крупнейшим таким сводом были «Мнения физиков» ученика Аристотеля Теофраста, который впоследствии не раз переписывали и конспектировали, в результате чего (с учетом того, что труд Теофраста не сохранился) все дошедшие до нас цитаты разрозненны и фрагментарны. Потому задача филолога – имея поздние своды-конспекты, такие как «Антология» Стобея, попытаться восстановить более ранние своды, которые, дробя материал, использовали авторы более поздних. Если удастся понять таким образом контекст какой-то цитаты или соединить две цитаты из разных сводов в одну, бывшую в предполагаемом общем источнике, это уже будет успех.

Дильс предположил ряд промежуточных источников, например не дошедший до нас труд Аэция, в реальном существовании которого современная наука очень сомневается. Труд Дильса после его смерти дорабатывал, с учетом новых научных данных, его ученик В. Кранц, который во времена нацизма вынужден был из-за жены-еврейки эмигрировать в Стамбул и

там, как и Эрик Ауэрбах, стал одним из основателей современной гуманитарной традиции. Поэтому данное издание чаще всего цитируют как «Дильс-Кранц».

Благодаря вниманию Маркса и Ленина Гераклит присутствовал во всех советских учебниках, о нем выпускались монографии и защищались диссертации. Необходимость улучшенного издания назревала. Идею нового понимания всего наследия Гераклита предложил в начале 1970-х годов С. Н. Муравьев, впоследствии создавший наиболее объемное многотомное издание Гераклита на французском языке и представивший его краткую версию на русском языке (М). Согласно Муравьеву, Гераклит писал особой жреческой прозой, близкой омузыкаленной речи (шпрыхезангу) модернистской оперы, где вопреки нормам как античного стихосложения, так и ритмики античной прозы с ее плавными завершениями фраз, использовалась сплошная на протяжении всего текста силлабо-тоническая система – за много веков до Романа Сладкопевца, сделавшего силлабо-тонику нормой стиха¹⁰.

В своих изданиях, скажем, в приложении к изданию Лукреция (Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Худ. лит., 1983), Муравьев предложил собственный порядок следования стихов, претендуя на достаточно полную реконструкцию книги (в этом смысле Муравьев действовал как и переводчик Лукреция Ф. А. Петровский, тоже кое-где перекомпоновавший поэму Лукреция, возможно, отчасти исходя из тех не поддающихся проверке сведений, что это был изданный при участии Цицерона черновик тяжелобольного поэта, а не окончательно авторизованный текст). Как и Маркович и Муравьев, я делю в этом издании изречения Гераклита на строки для удобства восприятия, вдохновляясь переводом «Бхагавад-Гиты», выполненным Борисом Гребенщиковым (М., АСТ, 2020), который и стал совершенным образцом для данного перевода греческого оригинала.

¹⁰ Об открытии Т. Уитмарша мы узнали, как раз ставя последнюю точку в рукописи. См.: 'I don't care': text shows modern poetry began much earlier than believed URL: <https://www.theguardian.com/books/2021/sep/08/i-dont-care-text-shows-modern-poetry-began-much-earlier-than-believed>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.